

Политическая лингвистика. 2025. № 5 (113).

Political Linguistics. 2025. No 5 (113).

УДК 811.112.2'42+81'27+808.51

ББК Ш143.24-51+Ш143.24-55+Ш100.623

ГРНТИ 16.21.27; 19.01.11

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9; 5.9.6 (германские языки)

Андрей Александрович Негрышев

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, negryshev@inbox.ru,

SPIN-код: 3664-0154, <https://orcid.org/0000-0002-8251-3605>

Фрейминг образа России в публичных выступлениях Федерального канцлера Германии Ф. Мерца

АННОТАЦИЯ. Целью работы является экспликация фреймовой структуры, используемой в публичных выступлениях Федерального канцлера Германии Фридриха Мерца для создания медийного образа России. Методологическую основу исследования составляет теория политического фрейминга, позволяющая выявить идеологически ангажированную интерпретацию действительности в текстах политического дискурса. Методами фреймового, контекстуального и семантического анализа эксплицирован единственный на данный момент стратегический медиафрейм в отношении России — «Angriffskrieg» (военная агрессия) и его слоты: «характер войны», «жертва», «агрессор», «союзники жертвы». Языковое заполнение каждого слота описывается на основе контекстов, содержащих ключевые слова *Russland, russisch, Putin, Moskau*. Попутно прослеживаются механизмы фреймирования, заключающиеся в отборе / умолчании фактов в целях определенной атрибуции проблемы, артикуляции ее причин, моральной оценки и предлагаемых решений. Анализ семантики фрейма «военная агрессия» обнаруживает преобладание риторики демонизации России, тенденциозность в отборе фактов, доминирование фасцинации над рациональной аргументацией. Фрейминг действительности осуществляется канцлером Ф. Мерцем с опорой на глубоко укорененные в западном социокультурном пространстве русофобские стереотипы и подчиняется таким требованиям медиадиалогики, как упрощение, стереотипизация, драматизация и др. По результатам исследования делается заключение о пропагандистском характере выявленного фрейма, его направленности на запугивание западной медиааудитории скорой «агрессией» России против Европы и на легитимацию в общественном мнении западных стран военных приготовлений НАТО и ФРГ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая лингвистика, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, немецкие СМИ, политический фрейминг, фреймы, пропаганда, медиаобразы, образ России, политическая риторика, публичная речь, публичные выступления, Ф. Мерц.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Негрышев Андрей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия; 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87, email: negryshev@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Негрышев, А. А. Фрейминг образа России в публичных выступлениях Федерального канцлера Германии Ф. Мерца / А. А. Негрышев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 5 (113). — С. 111-121.

Andrey A. Negryshev

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, negryshev@inbox.ru, SPIN code: 3664-0154, <https://orcid.org/0000-0002-8251-3605>

Framing the Image of Russia in Public Speeches of the Federal Chancellor of Germany F. Merz

ABSTRACT. The aim of this paper is to explicate the frame structure, which is used in the public speeches of German Federal Chancellor Friedrich Merz to create the media image of Russia. The methodological basis of the research is the theory of political framing, which makes it possible to reveal the ideological interpretation of reality in texts of political discourse. Using the methods of frame analysis and contextual and semantic analysis, the only one contemporary strategic media frame for Russia has been explicated — “Angriffskrieg” (military aggression) and its slots: “character of the war”, “victim”, “aggressor”, and “victim's allies”. The linguistic content of each slot is described on the basis of the contexts containing the keywords *Russland, russisch, Putin, Moskau*. Simultaneously, the author also traces the framing mechanisms, consisting in the selection / non-disclosure of facts in order to define a problem, to give its causal interpretation and moral evaluation, and to suggest solutions. The analysis of the semantics of the frame of “military aggression” reveals the predominance of the rhetoric of demonization of Russia, tendentiousness in the selection of facts, and the dominance of fascination over rational argumentation. The framing of reality is carried out by Chancellor F. Merz with the help of the Russophobic stereotypes deeply rooted in the Western socio-cultural space and comply with such requirements of media logic as simplification, stereotyping, dramatization etc. Based on the results of the study, a conclusion is drawn about the propaganda nature of the revealed frame, its focus on intimidating the Western media audience with Russia's imminent “aggression” against European countries and legitimizing the military preparations of NATO and Germany in the western public opinion.

KEYWORDS: *political discourse, political linguistics, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, German media, political framing, frames, propaganda, media images, image of Russia, political rhetoric, public speech, public addresses, F. Merz.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Negryshev Andrey Aleksandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia.*

FOR CITATION: *Negryshev A. A. (2025). Framing the Image of Russia in Public Speeches of the Federal Chancellor of Germany F. Merz. In Political Linguistics. No 5 (113), pp. 111–121. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Заметное место в современном геополитическом противостоянии России и «коллективного Запада» занимает информационное воздействие на общественное мнение в странах, вовлеченных в конфликт. Значительным ресурсом для его формирования обладают главы государств, выступающие в медийном пространстве «фронтлайнерами» правящих элитных группировок и участвующие в конструировании так называемой символической реальности. Одной из моделей, позволяющих выявить особенности такого рода конструирования, является модель фрейминга (фреймирования). На основе данной модели мы попытаемся проследить, в каких интерпретационных рамках выстраивается образ России в публичных выступлениях Федерального канцлера Германии Фридриха Мерца.

Изучению образа России в западном публичном пространстве посвящено множество работ зарубежных и отечественных авторов [см., например: Меттан 2017; Таньшина 2023; Бирюков 2013; Никифорова 2022; Руткевич 2023; Шангараев, Чуксин 2024 и др.]. В данном исследовательском поле особо выделяется традиция негативного отношения к России, обозначаемая термином *русофобия* [см.: Таньшина 2023]. Так, например, в «символе веры» русофобской идеологии, реконструированном в работе Ги Меттана, Россия предстает, среди прочего, как страна, «претендующая на чужие территории, стремящаяся вернуть себе былое господство и воспринимающая как должное деспотизм власти» [Меттан 2017: 101].

Восприятие внешней политики России как реваншистской и экспансионистской находит отражение в мифе о «наступающем российском империализме», проявление которого усматривалось при любой попытке давления России на соседей по СНГ [Бирюков 2013]. Особую актуальность этот миф приобрел с началом СВО в феврале 2022 г., когда в западных мейнстрим-медиа зазвучал антироссийский проукраинский нарратив: «агрессия, на которую без всяких веских причин решился Владимир Путин, — неоимпериалистическое действие, целью которого является захват Украины, за которым по-

следует нападение на остальную Европу» [Руткевич 2023: 161–162].

Стратегия *демонизации* России, возобладавшая в западных медиа с подачи так называемых глобалистских элит, проявляется в акцентировании ее исторической роли «агрессора и колонизатора, целью которого является восстановление могущественной империи, враждебной современным демократиям» [Минаева 2025: 98]. Также и в экспертном дискурсе, например, американских «мозговых центров», ядром когнитивной матрицы о России с февраля 2022 г. становится «милитаристское государство», в числе концептуальных компонентов которого — «экспансионизм» и «военная мощь» [Долгов 2024: 37]. Позиционируя Россию как агрессора, Запад легитимирует в общественном мнении свое вмешательство в конфликт на стороне жертвы, рассматривая его как справедливое и необходимое действие — такая морально-политическая установка имеет авторитетные обоснования в западной социологии и политологии [см.: Куманьков 2020: 177–179]. Кроме того, антироссийская кампания сопровождается мобилизационными нарративами о сплочении «общества вокруг ценностей коллективного Запада» [Минаева 2025: 101].

Ф. Мерц выступает одним из «спикеров» евроглобалистского политического истеблишмента, поэтому логично ожидать, что в своих выступлениях он полностью либо частично воспроизводит приведенные выше нарративы. Образ России, формируемый Ф. Мерцем, мы предлагаем эксплицировать с помощью фреймового анализа. **Фрейминг (фреймирование)** относится к числу моделей, с помощью которых принято описывать структуры представления знаний (М. Минский, И. Гофман, Ч. Филлмор и др.). В медиаисследованиях теория фрейминга получила продуктивное развитие в работах Р. Энтмана, У. Гамсона и А. Модильяни, Д. Шойфеле и других ученых, продемонстрировавших возможности данного подхода в экспликации интерпретационных механизмов в СМИ. Р. Энтман определяет фрейминг как отбор и «придание значимости» тем или иным аспектам действительности таким образом, чтобы «продвинуть» определенную дефини-

цию проблемы, причинно-следственную интерпретацию, моральную оценку и/или рекомендацию по ее решению [Entman 1993: 52]. Очевидно, что *выделение* определенных аспектов действительности предполагает одновременно *снижение значимости* либо вообще *умолчание* других аспектов. В понятии *стратегического*, или *политического медиафрейминга* [см. обзоры: Кушнерук 2022; Калугина 2022; Пономарев 2014 и др.] заключено представление о целенаправленном структурировании событий в новостях посредством когнитивных схем и шаблонов, позволяющих «вписать» событийную информацию в дискретные образы и нарративы, управляющие массовым восприятием и пониманием в нужном для коммуникатора русле. Конструирование фреймов, воспроизводимых в том числе и в выступлениях политиков, осуществляется в соответствии с требованиями медиалогии, такими, например, как упрощение, стереотипизация, драматизация, выстраивание дихотомии «свой/чужой», нарративное конструирование и др. [Пономарев 2014: 98–100].

Задачей нашей работы является экспликация фреймовой структуры, используемой главой правительства Германии в своих публичных выступлениях для создания образа России. Попутно мы попытаемся также проследить, какие именно компоненты действительности подвергаются усилению / умолчанию либо искажению, и на решение каких коммуникативных задач предположительно направлены эти манипуляции.

К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В многочисленных исследованиях по теории и практике фреймирования базовые понятия *фрейм*, *макрофрейм*, *субфрейм*, *слот*, *подслот* и т. п. в разных исследовательских направлениях употребляются по-разному [Гусельникова 2010]. Не углубляясь здесь в суть терминологических дискуссий, примем за основу иерархию *фрейм* → *слот* → *подслот*, разделяемую в той или иной мере, в частности, А. П. Чудиновым [Чудинов 2013: 29] и А. А. Кибриком [Кибрик 1991]. Если *фрейм* — это концептуальная рамка, или «рамочная идея», то *слот* — это ее элемент, составная часть, содержащая логически необходимые параметры фреймовой структуры.

Первичный сбор и анализ материала проводился с использованием поисковых инструментов официального портала Федерального канцлера ФРГ (<https://www.bundeskanzler.de/>) по разделам меню *Reden* (речи), *Pressemitteilungen* (пресс-релизы), *Pressekonferenzen* (пресс-конференции). На первом этапе была проведена поисковая выборка по

запросам *Russland, russisch, Putin, Moskau* (с учетом морфологии) в заданном временном диапазоне с 06.05.2025 (день официального назначения Ф. Мерца Федеральным канцлером) по 10.07.2025. Из 98 текстов, выложенных на тот момент на портале, параметрам запроса отвечали 34 текста — 4 речи, 2 пресс-релиза, 28 пресс-конференций. На следующем этапе в отобранных текстах был выполнен поиск по тем же ключевым словам с помощью инструментов *Microsoft Word*, в результате суммарно по трем типам текстов было выделено 246 словоупотреблений в 205 контекстах. На третьем этапе был проведен контекстуальный семантический анализ с целью выявления фреймовой структуры и механизмов фреймирования образа России.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Как показывает анализ, репрезентация образа России в публичном дискурсе главы немецкого кабинета министров осуществляется исключительно сквозь призму военных действий на Украине. Никакие другие темы и события (экономика, культура, сотрудничество и проч.) не попадают в поле зрения канцлера. Основным фрейм, четко эксплицируемый в эмпирическом материале, лексикализован в номинации *russischer Angriffskrieg* (варианты перевода: *русская захватническая война, военная агрессия России, российское вторжение*). Использование этого словосочетания нередко сопровождается усилительными эпитетами *verbrecherisch* (преступная), *völkerrechtswidrig* (противоречащая нормам международного права), *aggressiv* (агрессивная) и распространителем *gegen die Ukraine* (против Украины). Фрейм, выраженный в приведенных лексемах, мы будем обозначать далее «ANGRIFFSKRIEG» или «ВОЕННАЯ АГРЕССИЯ».

Семантика данного фрейма достаточно прозрачна и коррелирует с нарративами западных СМИ, преобладающими с начала СВО: «*Россия ведет захватническую войну против Украины — Украина защищается — мы (Запад) поддерживаем ее, поскольку она часть нашего мира — это нападение на нас — мы защищаем себя*» (реконструкция). В структуре фрейма «ВОЕННАЯ АГРЕССИЯ» отчетливо выделяются 4 слота, отражающие внутреннюю логику процесса: атрибуция характера боевых действий (ХАРАКТЕР ВОЙНЫ), поведение «нападающей стороны» (АГРЕССОР), положение стороны, подвергшейся нападению (ЖЕРТВА), поведение союзников «жертвы» (СОЮЗНИКИ ЖЕРТВЫ). Контексты, в которых активируются данные слоты, во многом пересекают-

ся, тем не менее каждый слот имеет свои структурирующие элементы, отличающие его от других.

Количественное распределение контекстов по слотам обнаруживает расстановку определенных акцентов в транслируемой картине действительности. Самый репрезентативный слот — СОЮЗНИКИ ЖЕРТВЫ (151 контекст), далее следует АГРЕССОР (76 контекстов), затем ЖЕРТВА (26 контекстов) и ХАРАКТЕР ВОЙНЫ (14 контекстов). Очевидно, что количественное преобладание первого слота обусловлено коммуникативной направленностью выступлений Ф. Мерца на аудиторию Германии и западных стран, выступающих союзниками Украины. Слот АГРЕССОР — следующий по значимости, поскольку именно Россия предстает в роли «обвиняемого» в развязывании конфликта и его главного актора. Слот ЖЕРТВА представлен почти в три раза меньшим количеством упоминаний, нежели АГРЕССОР, что можно интерпретировать как фиксацию меньшей агентивности Украины — она предстает как объект «агрессии», не владеющий инициативой в конфликте. И небольшое число контекстов с описанием ХАРАКТЕРА ВОЙНЫ объясняется, видимо, тем, что эта семантика уже присутствует в ключевой фреймовой номинации *Angriffskrieg*.

Анализ заполнения этих слотов далее мы проведем в иной последовательности, соответствующей, на наш взгляд, внутренней логике фрейма ВОЕННАЯ АГРЕССИЯ — от характера «агрессивных» действий к положению «жертвы», далее к поведению «агрессора» и роли «союзников жертвы».

Слот «ХАРАКТЕР ВОЙНЫ»

Данный слот имеют особую значимость в плане фреймирования эмоций аудитории. Его наиболее частотной лексической репрезентацией выступает ключевое фреймирующее сочетание *russischer Angriffskrieg*, семантика которого раскрывается в ряде эмоционально заряженных выражений и высказываний: *Bombardierung und die Angriffe auf die zivile Infrastruktur und die Zivilbevölkerung* (бомбардировки и налеты на гражданскую инфраструктуру и гражданское население), *tägliche und vor allem nächtliche Angriffe Russlands* (ежедневные и главным образом ночные налеты России), *Keine militärischen Ziele, sondern Terror gegen die Zivilbevölkerung!* (Никаких военных целей, только террор против гражданского населения!). Как видим, центральной характеристикой войны в высказываниях канцлера является **жестокость «агрессора»** по отношению к **мирному населению** Украины. Россия, по его словам, *бомбит сейчас каждую ночь с воздуха мас-*

сированно и целенаправленно украинские города (Russland bombardiert mittlerweile Nacht für Nacht massiv und gezielt ukrainische Städte aus der Luft), *беспощадно запускает ракеты и дроны по людям в Киеве и других городах* (schießt rücksichtslos Raketen und Drohnen auf die Menschen in Kiew und andere Städte) и т. п. О поражении российскими ВКС преимущественно военных объектов, об использовании украинской стороной гражданской инфраструктуры для их маскировки, о разрушениях жилых домов в результате работы украинской ПВО, размещенной в черте населенных пунктов, и тем более об атаках украинских ракет и дронов по гражданским и инфраструктурным объектам России нет ни одного упоминания, что вполне укладывается в выявленную интерпретационную рамку.

Военная активность России в изображении Мерца не исчерпывается только воздушными налетами, большую озабоченность канцлера вызывает российский **«теневого флот»** (*Schattenflotte*), от которого якобы исходят *провокации и агрессивные действия* (*Provokationen und Aggressionen*). Не обходит Мерц вниманием и **«гибридную» активность России**, фактически напрямую обвиняя в ней российского Президента: *die hybride Kriegsführung Putins* (ведение Путиным гибридной войны). На пресс-конференции 25.06.2025 канцлер перечисляет виды гибридных атак, которые якобы «переживает» Германия: *Wir erleben ja tägliche Angriffe <...> auf unsere Datennetze <...> die Beschädigung und Zerstörung von Unterseekabeln in der Ostsee <...> Fehlinformationen, Fake News, mit KI generierte falsche Nachrichten. — Мы переживаем ежедневные атаки <...> на наши сети передачи данных, <...> повреждение и разрушение подводных кабелей в Балтийском море, <...> дезинформацию, Fake News, сгенерированные искусственным интеллектом фейковые новости.* Говоря о финской границе с Россией, канцлер указывает на угрозу «миграционного оружия», применяемого якобы Россией и Белоруссией против Евросоюза: *Wir wissen, dass über diese Grenze wie auch über andere die Migration als Teil der hybriden Kriegsführung gegen uns instrumentalisiert wird. — Мы знаем, что через эту, а также через другие границы, в качестве инструмента гибридной войны против нас используется миграция.* Нагнетание страха слышится особенно отчетливо в высказываниях Мерца о «реальности» военного присутствия России уже «здесь и сейчас»: *wir werden von Russland bereits in diesem Sinne angegriffen* (мы уже в этом смысле атакованы Россией), *wir haben illegale Drohnenüberflüge, es wird ausspioniert,*

Kasernen werden ausspioniert (к нам через границу прилетают нелегально дроны, ведется шпионаж, шпионят за казармами). В этом дискурсе запугивания особую эмоциональную нагрузку приобретает заявление о том, что *убийства по заказу Путина происходят в центре Европы — также здесь, в Берлине* (Putins Auftragsmorde geschehen mitten in Europa — auch hier in Berlin). Такие ничем не подтвержденные либо основанные на передергивании фактов заявления четко укладываются в логику проводимой в последние месяцы руководством западноевропейских стран линии на подготовку общественного мнения Европы к будущему военному столкновению с Россией¹.

Таким образом, структуру слота ХАРАКТЕР ВОЙНЫ составляют подслоты «жестокость агрессора», «террор против мирного населения», «теневой флот», «гибридные угрозы Европе».

Слот «ЖЕРТВА»

Концептуально данный слот опирается на слот ХАРАКТЕР ВОЙНЫ в части якобы направленности боевых действий России против гражданского населения Украины, поэтому ряд языковых репрезентаций в этих слотах совпадают. Отличительными только для данного слота являются компоненты, акцентирующие такие стороны поведения «жертвы», как **страдания, стойкость** в сопротивлении «агрессору», **воля к миру**. Наиболее эмоционально нагруженной здесь является номинация *Terrorismus gegen die Zivilbevölkerung* (терроризм против гражданского населения), развернутая в не менее экспрессивной дескрипции *Menschen sterben, unbeteiligte Zivilisten, Frauen, Kinder, ältere Menschen* (гибнут люди, невинные мирные жители, женщины, дети, старики). Картины **страданий** мирных жителей дополняют словосочетания *große Opfer* (большие жертвы), *enorme Schäden* (огромный ущерб), *das Leiden und das Töten* (страдания и убийства), описывающие последствия российской «агрессии». Как и в слоте ХАРАКТЕР ВОЙНЫ, полному умолчанию подвергаются факты, не «вписывающиеся» в создаваемый образ жертвы, в частности, жертвы с противоположной стороны — среди мирного населения России от военных и террористических атак Украины.

Канцлер Германии неоднократно дает высокую оценку **стойкости украинцев**, которые *более трех лет противостоят российской военной агрессии* (halten seit mehr als drei Jahren dem russischen Angriffskrieg stand), демонстрируя *эффективность* своей обороны (der wirkungsvollen ukrainischen Verteidigung). Особой похвалы Федеральному канцлеру заслужили *очень точные украинские удары по русским военным аэродромам и инфраструктуре* (die sehr präzisen ukrainischen Schläge gegen russische Militärflughäfen und Infrastruktur) 1 июня 2025 г. Мерц умалчивает о том, что Украина атаковала объекты ядерной триады РФ, удары по которым, согласно обновленной «ядерной доктрине»², дают России право использовать ядерное оружие. Ответственность и выдержка, проявленные высшим политическим руководством России, не ответившим на эту провокацию в соответствии с Доктриной, остаются «незамеченными» канцлером, а ответные (неядерные) удары по военным и инфраструктурным объектам в Киеве и Западной Украине подаются в привычной фреймовой «упаковке»: эти удары были якобы *всем чем угодно, только не пропорциональным ответом* (alles andere als eine verhältnismäßige Antwort), Россия, как утверждает Мерц, *целенаправленно и беспощадно атаковала именно гражданское население* (gezielt und rücksichtslos eben die Zivilbevölkerung attackiert).

Начало каденции Ф. Мерца пришлось на период возобновления переговорного процесса между Россией и Украиной при посредничестве США, и в этом вопросе он также занимает исключительно проукраинскую позицию, игнорируя и дезавуируя роль России. Так, апрельско-майские «обмены инициативами» о перемирии / мире он комментирует как одностороннюю **«добрую волю»** Украины, полностью умалчивая о российских шагах: *Die Regierung in Kyjiw ist seit Wochen zu einem sofortigen bedingungslosen Waffenstillstand bereit* (Правительство в Киеве вот уже несколько недель как готово к немедленному и безоговорочному прекращению огня) — сказано 28 мая 2025 г. после неоднократных предложений и объявления перемирий со стороны Российской Федерации. Также Мерц особо подчеркивает «готовность» Зеленского к мирным переговорам,

¹ См., например, статью Чрезвычайного и Полномочного посла России А. Яковенко «Европа начала готовиться к войне с Россией» 16.07.2025: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/evropa-nachala-gotovitsya-k-voynе-s-rossiey/>.

² Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г. № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312>.

повторяя почти дословно в нескольких выступлениях, что *президент Зеленский объявил о своей готовности лично отправиться в Турцию, чтобы провести там переговоры о мире с Президентом Путиным* (Präsident Selenskyj sich bereit erklärt hat, persönlich in die Türkei zu reisen, um dort mit Präsident Putin über den Frieden zu verhandeln). Как глава государства, безусловно, знакомый с дипломатической «кухней» подготовки таких встреч, Мерц не мог не знать о заведомо неосуществимом характере этой инициативы Зеленского, и тем не менее он использует хвалебную риторику в его адрес, патетически восклицая: *Я восхищаюсь мужеством Владимира Зеленского, <...> с какой серьезностью и готовностью к компромиссу он готов сделать все, чтобы использовать сейчас шанс к прекращению огня. — Ich bewundere den Mut von Wolodymyr Selenskyj, <...> mit welcher Ernsthaftigkeit und gleichzeitig mit welcher Kompromissbereitschaft er bereit ist, alles zu tun, um jetzt eine Chance für einen Waffenstillstand <...> zu nutzen.* Естественным в этой медийно-пропагандистской логике является обвинение российской стороны в пробуксовке переговоров: *Es liegt nicht an der Ukraine, wenn Verhandlungen zurzeit nicht vorankommen. — Дело не в Украине, если в настоящее время переговорный процесс стоит на месте.* И откровенно ультимативный тон звучит в словах Мерца: *Nun ist es an Putin, dieses Verhandlungsangebot seinerseits anzunehmen und einem Waffenstillstand zuzustimmen. <...> Der Ball liegt ausschließlich in Russlands Feld. — Теперь зависит от Путина, принять это предложение о переговорах и согласиться на прекращение огня. <...> Мяч исключительно на стороне России.*

Таким образом, в слоте ЖЕРТВА канцлер фреймирует ситуацию путем умолчаний, передергивания и эмоционального нагнетания, создавая картину «жесточких страданий» украинского народа от российских «террористических» атак. При этом страна продолжает стойко и «эффективно» обороняться, а руководство Украины якобы, в противоположность России, проявляет волю к миру.

Слот «АГРЕССОР»

Слот АГРЕССОР охватывает характеристики, которыми наделяется Россия, проводящая СВО на Украине. Фреймирующими средствами, создающими образ агрессора, являются эмоционально нагруженные номинации, такие как *der verbrecherische Angriffskrieg Russlands gegen die Ukraine* (преступная военная агрессия России против Украины), *schwerste Kriegsverbrechen* (тяжелейшие

военные преступления), *ein Blutbad anrichten* (устроить кровавую баню) и т. п.

Начало войны приписывается исключительно «**ревизионистским**» мотивам России: атрибутивные сочетания «*militanter Revisionismus*» (воинствующий ревизионизм) и «*aggressiver Revisionismus*» (агрессивный ревизионизм) повторяются неоднократно в нескольких выступлениях канцлера. Роль НАТО в провоцировании военных действий полностью отрицается: *Dieser Krieg ist ausschließlich von Russland ausgegangen. Er ist nicht provoziert, er ist nicht durch die NATO oder die Europäische Union und auch nicht durch die Demokratie ausgelöst worden. — Эта война исходила исключительно от России. Она не была спровоцирована, она не была вызвана ни НАТО, ни Европейским союзом, ни демократией.* Вся длительная и драматичная предыстория с расширением НАТО на Восток, включая многолетнее использование Западом территории и вооруженных сил Украины для строительства военного плацдарма НАТО против России, канцлером нигде не упоминается.

Из уст Ф. Мерца звучат традиционные для европейского политического дискурса обвинения России в **нарушении международного права**: *Dieser Krieg ist ausschließlich ein völkerrechtswidriger Angriffskrieg Russlands. — Эта война — исключительно захватническая война России, противоречащая нормам международного права.* Также традиционно эти обвинения переносятся и на *российское вторжение в Грузию (russische Angriffe auf Georgien)* и на *оккупацию Крыма и Донбасса (Besetzung der Krim und des Donbass)*. Ни российская версия причин конфликта, ни вопиющие факты нарушения международного права со стороны Запада никогда, разумеется, не озвучиваются, что лишний раз свидетельствует о так называемых «двойных стандартах» западного политического истеблишмента.

В русле заданной фреймовой модели выстраиваются и ожидания в отношении дальнейших действий России. **Перспективы** прекращения военных действий представляются Мерцу зависящими исключительно от воли России: *ausschließlich und allein in der Hand der russischen Staatsführung liegt, diesen Krieg zu beenden* (исключительно и только в руках руководства российского государства закончить эту войну) и лично В. В. Путина: *Wenn Putin diesen Krieg beendet, <...> dann hat er <...> das Notwendige und das Richtige getan. — Если Путин закончит эту войну, <...> он сделает то, что необходимо и правильно.* Но, как и следовало ожидать в логике этой модели, «агрес-

сор» не может хотеть прекращения войны: *Путин и Россия <...> не заинтересованы в том, чтобы прийти к прекращению огня, к перемирию или вообще к мирному соглашению.* — *Putin und Russland <...> kein Interesse daran haben, zu einer Feuerpause, zu einem Waffenstillstand oder gar zu einem Friedensabkommen zu kommen.* Россия, по словам, Мерца, не проявляет вообще никакой готовности вести какие-либо переговоры (*es gibt überhaupt keine Bereitschaft Russlands, zu irgendeinem Gespräch zu kommen*) и до сих пор уклонялась от требования всеобъемлющего и безоговорочного прекращения огня (*Russland hat sich der Forderung nach einem umfassenden und bedingungslosen Waffenstillstand bisher verweigert*). Россия эскалирует, вместо того, чтобы вести переговоры (*Russland eskaliert, statt zu verhandeln*), тянет время (*auf Zeit spielt*) и выдвигает постоянно новые предварительные условия (*immer wieder neue Vorbedingungen*). Как видим, все высказывания серьезно искажают картину действительности, не оставляя места многочисленным фактам, свидетельствующим об усилиях России по окончании войны и «маневрах» украинского руководства, направленных на срыв и затягивание мирных переговоров.

Немало в речах и на пресс-конференциях Мерца морализаторских пассажей с **ультимативным подтекстом**, как например *ein Test der Ernsthaftigkeit der russischen Regierung und des russischen Präsidenten, ob sie wirklich Frieden in der Ukraine wollen oder ob sie den Krieg fortsetzen wollen* (тест на серьезность российского правительства и российского Президента, действительно ли они хотят мира на Украине или желают продолжать войну); *die einzige Sprache, die Moskau ... versteht, versteht Putin nur die Sprache der Stärke* (единственный язык, который понимает Москва, который понимает Путин, это язык силы).

Обобщенно содержание слота АГРЕССОР можно реконструировать в следующих нарративах, содержащих выделенные подслоты: «В преступной кровавой войне против Украины Россия реализует свои реваншистские намерения, не считаясь с нормами международного права. Прекращение войны зависит исключительно от России, но она этого не желает. Агрессор понимает только язык силы».

Слот «СОЮЗНИКИ ЖЕРТВЫ»

Как отмечалось выше, данный слот — самый объемный по количеству репрезентаций, его структуру составляют несколько крупных подслотов, состоящих, в свою очередь, из ряда подслотов второго уровня.

Подслот «поддержка жертвы»

Лейтмотивом во всех выступлениях канцлера Ф. Мерца, где он касается темы Россия/Украина, звучит поддержка Украины как жертвы «российской агрессии»: *wir <...> fühlen mit* (мы <...> сочувствуем), *danken den Menschen* (благодарим людей), *helfen den Menschen* (помогаем людям). Самыми частотными являются глагол *unterstützen* (поддерживать) и существительное *Unterstützung* (поддержка). Канцлер неоднократно заверяет в готовности Германии *tverdo стоять на стороне Украины* (*fest an der Seite der Ukraine stehen*) и помогать ей в ее борьбе против российской агрессии (*in ihrem Kampf gegen die russische Aggression*) *так долго, насколько это необходимо* (*solange es notwendig ist*). Мерц обещает оказывать *всестороннюю поддержку* (*umfassend Unterstützung leisten*), имея в виду дипломатическую, военную и экономическую сферы.

Германия ратует за то, чтобы *достичь дипломатическим путем всего, что возможно* (*auf diplomatischem Wege alles zu erreichen, was möglich ist*), но ее **дипломатические** усилия, со слов канцлера, разбиваются о *недостаточную готовность России*: *Die diplomatischen Bemühungen, die wir bisher unternommen haben, sind leider an der mangelnden Bereitschaft Russlands gescheitert.* — *Дипломатические усилия, которые мы до сих пор предпринимали, к сожалению провалились из-за недостаточной готовности России.*

В отношении **военной помощи** речь идет всегда о поставках вооружений. Публично канцлер не акцентирует внимание на наступательных вооружениях, говоря, в основном, об *укреплении украинской ПВО* (*die ukrainische Luftabwehr stärken*), но на пресс-конференции в Финляндии 27.05.2025, отвечая на вопрос журналиста о снятии ограничений на дальность ракетных ударов (*Reichweitenbegrenzung*) и о поставках крылатых ракет «Taurus», отвечает, что *Украина имеет право <...> применять вооружения также за пределами своей государственной границы против военных целей на территории российского государства* (*die Ukraine das Recht hat, die Waffen <...> auch jenseits der eigenen Landesgrenzen gegen militärische Ziele auf russischem Staatsgebiet einzusetzen*), обосновывая это тем, что *по-настоящему защититься от российской агрессии* (*sich wirklich gegen die russische Aggression zu verteidigen*) можно только, если *атаковать военные базы, расположенные на территории агрессора* (*militärische Basen anzugreifen, die auf dem Territorium des Angreifers liegen*). В одном из выступлений Мерц обещает

Украине гарантии безопасности в случае мирного урегулирования конфликта: *werden wir der Ukraine zusammen mit unseren Partnern belastbare Sicherheitsgarantien geben* (вместе с нашими партнерами мы дадим Украине надежные гарантии безопасности).

Что касается **экономической поддержки** Украины, то Германия, по словам Мерца, уже оказывает помощь в восстановлении разрушенных объектов, и канцлер намеревается «обсудить с представителями экономических кругов Германии экономические перспективы <...> на будущее после войны» (mit Vertretern der deutschen Wirtschaft über die wirtschaftlichen Zukunftschancen beraten ... in eine Zukunft jenseits des Krieges). *Помощь Киеву* сопровождается *давлением на Москву* (Hilfe für Kyjiw, Druck auf Moskau), и канцлер заверяет, что это *давление мы будем сохранять и усиливать* (werden diesen Druck aufrechterhalten und verstärken).

Как и в других слотах, канцлер не обходится без эмоциональных пассажей, адресуя особо эмоциональные тирады лично Зеленскому: Мерц *восхищается мужеством Владимира Зеленского* (Ich bewundere den Mut von Wolodymyr Selenskyj), тем, *с какой серьезностью и одновременно настроем на компромисс он готов сделать все, чтобы использовать сейчас шанс на прекращение огня и последующие мирные переговоры по Украине* (mit welcher Ernsthaftigkeit und gleichzeitig mit welcher Kompromissbereitschaft er bereit ist, alles zu tun, um jetzt eine Chance für einen Waffenstillstand und anschließende Friedensgespräche in der Ukraine zu nutzen).

Подслот «требования к агрессору»

В этом подслоте объединяются угрозы, предупреждения, меры и собственно требования, адресованные России. Самыми мягкими из них являются увещевания в духе *Россия просто должна понять, что военным путем она своих целей не добьется. — Russland muss einfach verstehen, dass es sich militärisch nicht durchsetzen wird*. Более угрожающе звучит высказывание от имени «коалиции желающих»: *Москва должна понять, что мы не прекратим [поддержку Украины]. — Moskau muss verstehen, dass wir nicht aufgeben*. Сам же канцлер Мерц *готов вести диалог, но готов также и к тому, чтобы военной силой и массированным экономическим давлением реагировать на действия России* (dazu bereit, Gespräche zu führen, aber auch dazu, mit militärischer Stärke und massivem wirtschaftlichen Druck auf Russland zu reagieren).

Основные требования к России по Украине — это **прекращение огня и начало переговоров**. Существительное *Waffenstillstand* (прекращение огня, перемирие) встре-

чается во многих контекстах, и неизменно с побудительной модальностью, например: *Russland <...> muss sich zu einem bedingungslosen 30-tägigen Waffenstillstand bereit erklären. Wir warten auf die Zustimmung von Herrn Putin. — Россия <...> должна заявить о своей готовности к тридцатидневному перемирию. Мы ждем от господина Путина согласия*. В той же тональности звучат намерения *усадить Москву за стол переговоров* (Moskau an den Verhandlungstisch zu bringen), *усилить давление на Россию, чтобы сделать ее наконец-то договороспособной* (den Druck auf Russland erhöhen, endlich auch verhandlungsbereit zu sein). Усиление апеллятивной риторики достигается также за счет метафоры: *Wir fordern Russland auf, jetzt endlich den Pfad für echte Friedensverhandlungen zu seilчас наконец-то на «тропу»beschreiten. — Мы призываем Россию встать » настоящих мирных переговоров*.

В числе требований к России со стороны «союзников жертвы» в выступлении перед журналистами на римской «Ukraine Recovery Conference» 10.07.2025 прозвучало также требование **возмещения Россией огромного ущерба**, нанесенного Украине (Russland hat <...> enorme Schäden angerichtet. <...> muss für diese Schäden aufkommen).

Основной мерой принуждения России к принятию требований Запада выступают **санкции**. Они многократно упоминаются Федеральным канцлером в различных вариациях: *санкции против России* (Sanktionen gegen Russland), *против энергетического комплекса* (gegen die Energieversorgung), *против так называемого теневого флота* (gegen diese sogenannte Schattenflotte), *дальнейшие санкции* (weitere Sanktionen), *17-й пакет санкций* (das 17. Sanktionspaket), *новые европейские санкции* (neue europäische Sanktionen), *усиление американских санкций* (Verschärfung der amerikanischen Sanktionen), *санкционное давление* (Sanktionsdruck) и др. Мерц выражает уверенность, что *санкции нанесли наиболее чувствительный удар по российской экономике* (die Sanktionen haben die russische Wirtschaft empfindlichst getroffen), и то, *как долго Россия еще выдержит эту войну, зависит также от того, насколько сильно будут действовать санкции* (wie lange Russland diesen Krieg noch durchhält, hängt auch davon ab, wie stark die Sanktionen wirken).

Стоит заметить, что в числе угроз не упоминаются поставки вооружений, так как они всегда озвучиваются в контексте «обороны» Украины (см. подслот «поддержка жертвы»), но на одной из пресс-конференций канцлер ставит **военную помощь** в один

ряд с санкциями: *Wir dürfen in unseren Anstrengungen nicht nachlassen, weder in der militärischen Unterstützung der Ukraine, noch in der Durchsetzung dieser Sanktionen. — Нам нельзя ослаблять наши усилия — ни в военной поддержке Украины, ни в реализации этих санкций.*

И еще одной угрозой России звучит, хотя и не так часто, напоминание о ее **замороженных активах**: *darf Russland und wird Russland auch keinen Zugang zu den eingefrorenen russischen Vermögenswerten erhalten* (России нельзя предоставлять, и России не будет предоставлен доступ к ее замороженным активам).

Подслот «выстраивание собственной обороны»

«Агрессия» России подается в дискурсе Мерца как повод для укрепления собственной обороны Германии и НАТО. Россия в речах канцлера выступает исключительно как угроза: *die Bedrohung heißt <...> Russland* (имя угрозы <...> — Россия); угроза сейчас и в будущем: *Russland ist und bleibt bis auf Weiteres die größte Bedrohung für unsere Sicherheit. — Россия есть и в дальнейшем останется самой большой угрозой нашей безопасности. Gegen diese Bedrohung schützen wir uns. — От этой угрозы мы и защищаемся.* Политические угрозы НАТО и Европе Мерц описывает в таких выражениях, как *расколоть Европу и ослабить НАТО* (Europa zu spalten und die NATO zu schwächen), *вбить клин между нами, <...> а также между Европой и США* (Moskau einen Keil zwischen uns <...>, auch zwischen Europa und die USA <...> treibt). Но, как заявляет Мерц, *Россия просчиталась* (Russland hat sich verkalculiert), и НАТО в ответ на угрозу демонстрирует единство: *Wir sind uns in Europa einig. Wir sind uns mit der Ukraine einig* (Мы в Европе едины. Мы едины с Украиной), *im Team mit den USA* (в команде с США).

Адресуя свои послания европейской аудитории, канцлер неоднократно подчеркивает, что *российский воинствующий ревизионизм* (Russlands militanter Revisionismus) — это лобовой удар не только по территориальной целостности, но и по всему политическому устройству Европы после 1990 года (Frontalangriff nicht nur gegen die territoriale Integrität, sondern gegen die gesamte politische Ordnung Europas nach 1990), по свободе, миру и благосостоянию всего евроатлантического пространства (die Freiheit, den Frieden und den Wohlstand im gesamten euroatlantischen Raum). *Гибридная война Путина* (die hybride Kriegsführung Putins) нацелена также на нашу критическую инфраструктуру, на нашу социальную сплочен-

ность и нашу демократическую стабильность (gelten auch unserer kritischen Infrastruktur, unserem sozialen Zusammenhalt und unserer demokratischen Stabilität). Одним словом, *Россия — это риск для безопасности по эту и по другую сторону Атлантики* (Russland ist ein Risiko für die Sicherheit diesseits und jenseits des Atlantiks) и *угроза евроатлантическим отношениям* (Bedrohung für das euroatlantische Verhältnis). Канцлер сетует, что российский «ревизионизм», проявлявшийся ранее уже в «атаках на Грузию» и «оккупации» Крыма и Донбасса, долго недооценивали, а предупреждения от «партнеров» *сопровождались у нас зачастую пожиманием плечами* (wurden bei uns zu oft mit Schulterzucken begleitet). Но теперь эту угрозу *нужно воспринимать всерьез* (müssen wir ernst nehmen) и также *серьезно относиться к обороне* (es ernst meinen mit der Verteidigung).

В одном из выступлений канцлер делает оговорку, что Россия *недостаточно сильна, чтобы напасть на весь альянс НАТО* (nicht stark genug ist, die NATO als ganze anzugreifen), но выражает опасение, *не захочет ли она, возможно, однажды испытать нашу обороноспособность* (ob es nicht vielleicht unsere Verteidigungsbereitschaft eines Tages testen wird). Сейчас Европу защищает Украина, *она защищает также нашу свободу, наш суверенитет, нашу независимость, нашу демократию и наше открытое общество* (sie verteidigt auch unsere Freiheit, auch unsere Souveränität, auch unsere Unabhängigkeit, auch unsere Demokratie und unsere offene Gesellschaft), поэтому ее нужно всячески поддерживать. Но сами европейцы должны *собрать свои ряды* (eng zusammenstehen), *дать ясный сигнал <...> силы и сдерживания* (ein klares Zeichen <...> der Stärke und der Abschreckung), *быстро и убедительно укреплять нашу коллективную обороноспособность* (unsere kollektive Verteidigungsfähigkeit müssen wir deshalb schnell und glaubwürdig stärken). Канцлер упоминает такие меры, как *инвестировать в нашу способность защищаться* (in unsere Fähigkeit investieren, uns zu verteidigen), *обеспечить надлежащее оснащение наших вооруженных сил, отвечающее актуальным угрозам* (eine angemessene, bedrohungsorientierte Ausstattung unserer Streitkräfte sicherstellen), *укреплять восточный фланг НАТО* (die NATO-Ostflanke zu stärken). Все это уже повлекло *историческое повышение оборонных расходов* (historische Erhöhung der Verteidigungsausgaben), так что, по словам канцлера, эта война уже *укрепила НАТО* (hat ... die NATO gestärkt).

Таким образом, в слоте СОЮЗНИКИ ЖЕРТВЫ объединяются подслоты, фреймирующие действия западных стран в поддержку Украины, требования к России и призывы к укреплению европейского единства и обороноспособности перед лицом потенциальной агрессии России против Европы. Важную роль в формировании «моральной» составляющей слота играют культурно-аксиологические обоснования антироссийской позиции — защита *свободы, демократии, единства*, которые, по сути, придают столкновению Запада с Россией экзистенциальный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, образ России в публичном дискурсе Федерального канцлера Германии Ф. Мерца представлен единственным фреймом ВОЕННАЯ АГРЕССИЯ. Все четыре составляющих фрейминга по Р. Энтману обнаруживают отчетливо выраженный пропагандистский характер. **Атрибуция** проблемы — «Россия — агрессор»; **каузация** — «причина войны — российские ревизионистские устремления»; **моральная оценка** — «Россия нарушает международное право и гуманитарные нормы, угрожает нашим базовым ценностям»; **решение проблемы** — «мы поддерживаем жертву агрессии, выдвигаем категорические требования к агрессору, укрепляем собственную оборону». Умолчанию и искажению подвергается всё, что не соответствует данной рамке: история конфликта с 2014 г. и ранее (проект «Анти-Россия»); агрессивные действия Украины против Донбасса и России; нарушения международного права со стороны НАТО; многолетние усилия России по разрешению конфликта дипломатическим путем и др. Культурно-историческая матрица данного фрейма опирается на давнюю традицию западной русофобии и морально фундированную позицию «защитника жертвы агрессии», выступающего «на светлой стороне истории». Риторика демонизации России строится на упрощении, стереотипизации, драматизации и фасцинации в рамках медиалогики. Очевидно, что глубина ценностно-психологической проработки выявленного фрейма не позволяет надеяться на скорую его корректировку даже в случае мирного урегулирования ситуации вокруг Украины. Более того, объем и «глубина ветвления» слота СОЮЗНИКИ ЖЕРТВЫ свидетельствует о прагматической направленности формируемого образа «врага» на подготовку общественного мнения Запада к военному столкновению с Россией и легитимацию наращивания оборонных бюджетов и военных приготовлений НАТО и ФРГ.

ИСТОЧНИКИ

Bundeskanzler.de : site. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/> (date of access: 10.07.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бирюков, С. В. Образ современной России: западные стереотипы и российские реальности / С. В. Бирюков // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. — 2013. — № 5. — URL: https://www.perspektivy.info/misl/idea/obraz_sovremennoj_rossii_zapadnyje_stereotipy_i_rossijskije_realnosti_2013-12-31.htm (дата обращения: 14.09.2025).
2. Гусельникова, О. В. Терминологический аппарат структуры фрейма / О. В. Гусельникова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2010. — № 9. — С. 137–149. — EDN: MWJXWV.
3. Долгов, А. А. Концептуальное отражение России в публикациях американских «мозговых центров» (опыт когнитивно-матричного анализа) / А. А. Долгов // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 34–45. — EDN: LGYKXS.
4. Калугина, Е. Г. Теоретические аспекты внешнеполитического медиафрейминга (обзор отечественных и зарубежных исследований) / Е. Г. Калугина // Медиаальманах. — 2022. — № 1. — С. 16–23. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.1624. — EDN: UBWPDU.
5. Кибрик, А. А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. — 1991. — № 1. — С. 61–68. — EDN: YUQPZR.
6. Куманьков, А. Д. Война в XXI веке / А. Д. Куманьков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 296 с. — EDN: BZBSYX.
7. Кушнерук, С. Л. Стратегическое фреймирование как объект зарубежной коммуникативистики: истоки, проблемы, перспективы / С. Л. Кушнерук // Коммуникативные исследования. — 2022. — Т. 9. — № 2. — С. 243–259. — EDN: RLKFIN.
8. Меттан, Г. Запад — Россия: тысячелетняя война / Ги Меттан ; [перевод М. Аннинская, С. Булгакова, Ю. Обозный]. — 2-е изд., дополненное. — Москва : Паулсен, 2017. — 468 с.
9. Минаева, Л. В. Демонизация России во властном дискурсе стран Балтии / Л. В. Минаева // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 98–106. — EDN: MPHKTf.
10. Никифорова, М. В. Образ России в американских СМИ 2021 года (на материале статей журнала Foreign Affairs) / М. В. Никифорова // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1 (91). — С. 59–68. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_01_06. — EDN: LKBZFK.
11. Пономарев, Н. Ф. Коммуникационный менеджмент: драматизация публичной политики : моногр. / Н. Ф. Пономарев ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2014. — 227 с. — ISBN: 978-5-7944-2357-0. — EDN: YEOFNH.
12. Руткевич, Н. А. Реконструкция образа Врага в новых условиях / Н. А. Руткевич // Россия в глобальной политике. — 2023. — Т. 21. — № 4. — С. 160–178. — DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-160-178. — EDN: AZJBQK.
13. Таньшина, Н. П. Русофобия: история изобретения страха / Н. П. Таньшина. — Москва : Концептуал, 2023. — 496 с. — EDN: OFBVWA.
14. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. — 176 с. — ISBN: 978-5-7186-0504-4. — EDN: QZIQNH.
15. Шангараев, Р. Н. Формирование медиаобраза России в западных СМИ: моногр. / Р. Н. Шангараев, А. С. Чуксин ; Дипломатическая академия МИД России. — Москва : Сам Полиграфист, 2024. — 188 с. — EDN: VIJGJO.
16. Entman, R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R. M. Entman // Journal of Communication. — 1993. — Vol. 43. — Iss. 4: 5. — P. 51–58. — DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.

MATERIALS

Bundeskanzler.de : site (n.d.). Available at July 10, 2025 from <https://www.bundeskanzler.de/>.

REFERENCES

1. Birjukov, S. V. (2013). Obraz sovremennoj Rossii: zapadnye stereotipy i rossijskie real'nosti = The Image of Modern Rus-

sia: Western Stereotypes and Russian Realities. *The prospects. Online publication of the Center for Research and Analytics of the Historical Perspective Foundation*, 5. Available from https://www.perspektivy.info/misl/idea/obraz_sovremennoj_rossii_zapadnyje_stereotipy_i_rossijskije_realnosti_2013-12-31.htm.

2. Gusel'nikova, O. V. (2010). Terminologicheskij apparat struktury frejma = The terminological apparatus of the frame structur. *Bulletin of JuUrGGPU*, 9, 137–149. EDN: MWJXWV.

3. Dolgov, A. A. (2024). Konceptual'noe otrazhenie Rossii v publikacijah amerikanskih «mozgovyh centrov» (opyt kognitivno-matrichnogo analiza) = Conceptual Reflection of Russia in the Publications of American "Think Tanks" (An Experience of Cognitive Frame Analysis). In *Political Linguistics*, 4(106), 34–45. EDN: LGYKXS.

4. Kalugina, E. G. (2022). Teoreticheskie aspekty vneshnepoliticheskogo mediafrejminga (obzor otechestvennyh i zarubezhnyh issledovanij) = Theoretical aspects of foreign policy media framing (review of domestic and foreign studies). *Medial'manah*, 1, 16–23. EDN: UBWPDU.

5. Kibrik, A. A. (1991). O nekotoryh vidah znanij v modeli estestvennogo dialoga = About some types of knowledge in the natural dialogue model. *Topics in the Study of Language*, 1, 61–68. EDN: YUQPZR.

6. Kuman'kov, A. D. (2020). Vojna v XXI veke = War in the 21st century. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 296. EDN: BZBSYX.

7. Kushneruk, S. L. (2022). Strategicheskoe frejmirovanie kak ob"ekt zarubezhnoj kommunikativistiki: istoki, problemy, perspektivy = Strategic framing as an object of foreign communication studies: origins, problems, prospects. *Communication studies*, 9(2), 243–259. EDN: RLKFIH.

8. Mettan, G. (2017). Zapad — Rossija: tysjacheletnjaja vojna = West — Russia: The Millennial War. Moscow: Paulsen, 468 p.

9. Minaeva, L. V. (2025). Demonizacija Rossii vo vlastnom diskurse stran Baltii = Demonization of Russia in the Official Power Discourse of the Baltic Countries. *Political Linguistics*, 2(110), 98–106. EDN: MPHKTf.

10. Nikiforova, M. V. (2022). Obraz Rossii v amerikanskih SMI 2021 goda (na materiale statej zhurnala Foreign Affairs) = The Image of Russia in the 2021 American Mass Media (Based on the Articles of the Foreign Affairs Magazine). *Political Linguistics*, 1(91), 59–68. EDN: LKBZFK.

11. Ponomarev, N. F. (2014). Kommunikacionnyj menedzhment: dramatizacija publichnoj politiki = Communication management: Dramatization of public policy. Monograph. Perm': Perm. gos. nac. issled. un-t, 227 p. EDN: YEOFHZ.

12. Rutkevich, N. A. (2023). Rekonstrukcija obraza Vraga v novyh uslovijah = Reconstruction of the Enemy's image in new conditions. *Russia in Global Affairs*, 21(4), 160–178. EDN: AZJBQK.

13. Tan'shina, N. P. (2023). Rusofobija: Istorija izobretenija straha = Russophobia: The History of the Invention of Fear. Moscow: Konceptual, 496 p. EDN: OFBVWA.

14. Chudinov, A. P. (2013). Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii = Essays on Modern Political Metaphorology. Monograph. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 176 p. EDN: QZIQHH.

15. Shangaraev, R. N., Chuksin R. N. (2024). Formirovanie mediaobraza Rossii v zapadnyh SMI = The formation of the media image of Russia in the Western media. Monograph. Moscow: Diplomaticeskaja akademija MID Rossii, Sam Poligrafist, 188 p. EDN: VIJGJO.

16. Entman, R. M. (1993). Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 5, 51–58.